

Хань Цзюнь долго смотрел в яркие глаза Чжао Хунгуана. Звук дождя, словно барабанная дробь, отдавался в его сердце, капли за каплей, превращаясь в поток, несущий множество сложных чувств к его груди. Затем он почувствовал, как ментальное море Чжао Хунгуана становится всё более беспокойным. Ментальные щупальца, оставленные им при строительстве бастиона в его ментальном море, под влиянием хозяина передавали ему тепло, пропитанное двусмысленностью. Если не остановить это, тепло разгорится ещё сильнее, превратившись в огонь желания, который сожжёт их разум.

— Сяогуан, очнись! — Хань Цзюнь стиснул зубы и вынужден был оттолкнуть Чжао Хунгуана.

Чрезмерная близость с Хань Цзюнем и сильные эмоциональные переживания быстро ухудшили состояние лихорадки слияния Чжао Хунгуана. Он упал на диван, тяжело дыша, его взгляд на Хань Цзюня становился всё более пылающим.

— Я в сознании. Я не хочу, чтобы тебя вернули в Чёрную Башню, и не хочу видеть тебя в опасности. Я должен остановить тебя. Это также задача, которую мне дала Тауэр-зона. Как только мы достигнем полного телесного слияния, я смогу лучше защищать тебя, — Чжао Хунгуан с трудом поднялся, лихорадка слияния вызывала у него головокружение, жар бился в центре его ментального моря, пытаюсь превратить его в раба желаний. — Ты защищал меня, теперь моя очередь защищать тебя!

Чжао Хунгуан упрямо пошёл к Хань Цзюню и в конце концов упал в его объятия.

— Но сначала ты должен защитить себя, — Хань Цзюнь с горькой усмешкой подхватил Чжао Хунгуана на руки и отнёс его в гостевую комнату.

Уложив беспокойного Чжао Хунгуана на кровать, Хань Цзюнь спросил:

— Сяогуан, где ты хранишь ингибиторы?

Чжао Хунгуан, мучаясь, прикрыл лоб рукой. Даже просто слыша голос Хань Цзюня и вдыхая его насыщенный аромат феромонов Стража, он чувствовал, как ветряная мельница в его ментальном море, символизирующая его бастион, вращается всё быстрее, вызывая невыносимый жар.

— В ящике... — Несмотря на то что тело Хань Цзюня всё ещё манило его, остатки разума заставили Чжао Хунгуана признать своё неприглядное состояние. Он, безусловно, имел смелость выразить свои чувства Хань Цзюню, но это не означало, что он будет использовать это, чтобы заставить его что-то сделать. Любовь — одна из самых прекрасных вещей в мире, и каждый имеет право любить. Чжао Хунгуан так и сделал, но для него эта любовь должна была нести его достоинство и уважение к Хань Цзюню.

Хань Цзюнь кивнул, открыл ящик и достал коробку с наполовину использованными ингибиторами лихорадки слияния. Он вспомнил себя в молодости, когда намеренно не принимал лекарства, чтобы остаться с Вэй Чэнем, и, воспользовавшись лихорадкой слияния,

достиг с ним телесного слияния, завершив их совпадение. Тогда он был, пожалуй, слишком настойчив.

Напоив Чжао Хунгуана лекарством, Хань Цзюнь немного успокоился.

— Хорошо отдохни, — Хань Цзюнь поправил одеяло для Чжао Хунгуана.

Когда он повернулся, чтобы уйти, полотенце на его талии внезапно схватил Чжао Хунгуан.

— Дядя, не уходи.

Действие лекарства ещё не успело полностью устранить лихорадку слияния, но на этот раз Чжао Хунгуан схватил Хань Цзюня не из-за желания. Он смотрел на него с мольбой, боясь, что тот исчезнет навсегда.

— Остайся со мной.

Чжао Хунгуан слегка потянул, и полотенце с талии Хань Цзюня упало.

Пухляш, его духовное тело, тут же вырвался из ослабленного бастиона ментального моря Чжао Хунгуана и устремился к животу Хань Цзюня, ведь он всегда любил блестящую шерсть.

— Опять ты, маленький проказник, — Хань Цзюнь ловко поймал жадную птицу и крепко погладил её по голове.

— Чик-чирик! — Пухляш нервно зачирикал и быстро превратился в пушистый комочек в руках Хань Цзюня.

— Бай, поиграй с ним.

Хань Цзюнь бросил Пухляша в сторону, и его духовное тело, Белый тигр, выпрыгнул и схватил птицу, начав играть с ней.

— Эх, дядя, извини, Пухляш слишком избалован.

Чжао Хунгуан смущённо лёг обратно на кровать, осознав, что всё ещё крепко держит полотенце Хань Цзюня, и быстро отпустил его.

— Неважно. В конце концов, в Чёрной Башне ты уже видел всё, что можно и нельзя. Ты же знаешь, я обманул тебя — я не принимал транквилизатор, поэтому той ночью... — Хань Цзюнь усмехнулся. Его улыбка скорее выглядела как проявление смирения, чем искреннего веселья.

Мужчина, которого уже видели голым, больше ничего не боялся.

— Прости. Я... — Чжао Хунгуан наконец понял, почему Хань Цзюнь не слишком удивился его признанию. Возможно, он уже давно знал, что Чжао Хунгуан влюблён в него. Он был как маленький развратник, который тайком протянул руку под одеяло, чтобы прикоснуться к тому, кого любит, и так выразить свои чувства.

— Ха-ха-ха, мальчишка! — Увидев, что Чжао Хунгуан покраснел, как варёный краб, Хань Цзюнь немного расслабился и громко рассмеялся. Сидеть голым рядом с Чжао Хунгуаном не вызывало у него никакого дискомфорта. Он подумал, что, возможно, уже привык к ощущению присутствия этого парня. А было ли это чувство любовью, Хань Цзюнь пока не задумывался. Не обязательно всё понимать до конца, главное — жить комфортно.

Увидев, как Чжао Хунгуан смущённо опустил голову из-за его поддразнивания, Хань Цзюнь вспомнил, как тот смело повалил его на диван в гостиной.

Человек — это совокупность противоречий, и Чжао Хунгуан был ярким тому примером.

— Не волнуйся, я больше не убегу. Твою доброту я ценю и благодарен за неё. Поэтому я не буду создавать тебе больше проблем, — Хань Цзюнь всё ещё думал, что слова Чжао Хунгуана «останься со мной» означали беспокойство о его возможном побеге.

Чжао Хунгуан покачал головой, слегка поднял глаза и заметил рану на внутренней стороне бедра Хань Цзюня. Если он не ошибался, именно там был вживлён трекер Тауэр-зоны.

Когда Чжао Хунгуан снова протянул руку, на этот раз к бедру Хань Цзюня, тот вспомнил неприятные воспоминания о прошлых «нападениях».

— Сяогуан, хватит. Дядя уже совсем «пустой», — Хань Цзюнь поспешно попытался остановить Чжао Хунгуана, незаметно привыкнув к тому, что его называют дядей.

— Дядя, рана не болит?

Пальцы Чжао Хунгуана мягко коснулись раны Хань Цзюня, где образовалась свежая корочка, и при лёгком нажатии можно было почувствовать кровь.

Обнаружив, что Чжао Хунгуан просто заботился о его ране, Хань Цзюнь почувствовал облегчение.

Он спокойно раздвинул ноги, взглянув на обработанную рану. По сравнению со вчерашним днём она выглядела намного лучше.

— Всё в порядке, эта боль — ерунда. Но трекер Тауэр-зоны действительно вживили глубоко, я чуть не перерезал себе артерию. Тогда уж точно не до мести — даже на звонок в полицию сил бы не хватило.

Свойственный Хань Цзюню юмор немного разрядил обстановку. Он был из тех, кто предпочитал нести всё бремя сам, не вовлекая других.

— Я не хочу видеть, как тебе причиняют боль. В Чёрной Башне ты уже перенёс достаточно страданий, — Чжао Хунгуан, прикусив губу, произнёс каждое слово чётко.

Он понимал желание Хань Цзюня узнать правду и отомстить за Вэй Чэня, но, осознавая, что упрямство Хань Цзюня приведёт лишь к новым страданиям, он чувствовал, что должен остановить его.

— Я не сообщу об этом Тауэр-зоне, но, дядя, ты действительно думаешь, что мы сможем скрывать это от них? Как только ты начнёшь действовать, это вызовет огромный резонанс. Тогда тебе придётся противостоять не только Крыльям Свободы, но и Тауэр-зоне, и даже Объединённому правительству.

<http://bllate.org/book/15254/1345188>